

RU

Импликационал авторской иронии в легенде А. И. Куприна «Четверо нищих»

Кузнецова А. В.

Аннотация. Цель исследования - описать специфику импликационала авторской иронии на основании выявления лингвистических средств ее реализации. В статье акцентировано внимание на особой роли авторской иронии в процессе трансформации жанрового канона в координатах синтеза нарративных стратегий, предполагающих участие в их организации иронии как столкновения имплицитного и эксплицитного. Научная новизна заключается в изучении легенды А. И. Куприна «Четверо нищих» с позиций функционально-семантического подхода и выявления прагматики имплицитности в художественном тексте. В результате определено, что «Четверо нищих» А. И. Куприна - новеллистический текст, в процессе создания которого иронической трансформации подвергнуты нарративные стратегии легенды, притчи и анекдота, а лингвистические средства авторской иронии - вводные слова и вставные конструкции, контрастивные контексты, организованные на основании оппозитивных отношений лексем и лексических сочетаний узуальной и окказиональной принадлежности - репрезентированы как в авторской, так и в персонажной зонах повествования.

EN

The Implicational of Author's Irony in A. I. Kuprin's Legend "Four Beggars"

Kuznetsova A. V.

Abstract. The paper aims to describe the specificity of the author's irony implicational by identifying the linguistic means of its realization. The article focuses on the special role of the author's irony in the process of transformation of the genre canon within the synthesis of narrative strategies which require participation in their organization of irony as collision of the implicit and the explicit. The scientific originality of the research consists in studying A. I. Kuprin's legend "Four Beggars" from the point of view of the functional-semantic approach and revealing the pragmatics of implicitness in a literary text. As a result, it has been revealed that A. I. Kuprin's "Four Beggars" is a novelistic text during the creation of which the narrative strategies of a legend, parable and anecdote were transformed, and the linguistic means of the author's irony - introductory words, parenthetic constructions, contrastive contexts organized on the basis of oppositional relations between lexemes and collocations of usual and occasional nature - are represented in both the author's and the characters' narrative zones.

Введение

Смена направлений в развитии лингвистики XX в. демонстрирует и обширные сферы исследовательского интереса: структуралистская парадигма, сменившаяся влиянием психологии и социологии, результатом чего стало возникновение психо- и социолингвистики, обнаруживает стабильное обращение к возможностям функционально-семантического подхода, эффективно применяемого к самым разным объектам исследования. Тесное взаимодействие этого подхода с антропоцентризмом формирует современную лингвистику как науку интегральную, позволяющую выявить и непротиворечиво описать многое, что составляет собственно бытие человека (Малинович, 2004), в единстве Мир – Человек – Язык (см. работы Н. Д. Арутюновой (1999), А. Вежбицкой (1996), Ю. С. Степанова (2021) и др.).

Антропоцентрические по своей направленности и функционально-прагматические по своей методологии исследования способствуют выявлению важного аспекта соотношения значения высказывания и его смысла: неслучайно современная лингвистика все чаще обращается к проблематике имплицитности, которая определяется идеями о неполноте эксплицитного выражения мысли в высказывании и сложностях отражения

этих нелинейных когнитивных структур в линейной манифестации. Именно эта трактовка имплицитности и импликационала является в настоящий момент наиболее популярной в лингвистике, а проблематика интегрированного смысла, не нашедшего полного выражения в дискурсе и тексте с помощью языковых средств, коррелирует с такой коммуникацией, в которой «понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» (Дементьев, 2000, с. 5). Актуальность исследования состоит в необходимости изучения прагматики использования продуцентом высказывания такой неоднородности плана содержания, когда адресат вынужден обратиться к подтексту, к импликационалу высказывания, именно в этой его зоне «достраивая» основной коммуникативный замысел адресанта. Несомненной актуальностью характеризуется также исследование в научной парадигме современной лингвистики иронической коммуникации с позиций выявления и описания составляющего ее основу контраста вербальных и имплицитных компонентов высказывания.

Объект и предмет исследования – авторская ирония в процессе трансформации жанрового канона легенды и новеллы с позиции прагматики имплицитности – определили комплекс задач:

- выявить и описать средства реализации авторской иронии в художественном тексте;
- установить роль авторской иронии в процессе трансформирования жанрового канона в легенде «Четверо нищих» А. И. Куприна;
- определить лингвистический статус импликационала иронии в авторской и персонажной сферах художественного текста.

Методы исследования – дедуктивно-индуктивный метод, сравнительно-сопоставительный метод, методика функционально-прагматического анализа, лингвистическая интерпретация.

Теоретическую базу исследования составили постулаты теории текста, представленные в трудах Л. Г. Бабенко (2006), Н. С. Болотновой (1998а; 1998b), Н. С. Валгиной (2003), И. Р. Гальперина (2006), Ю. М. Лотмана (1998), а также различные аспекты теории имплицитности, рассматриваемые исследователями (Бондарко, 2006; Долинин, 1983; Ермакова, 2010).

Традиционно выделяют произвольную и намеренную имплицитность (Ермакова, 2010), причем имплицитность в данном случае трактуется не только как проявление экономии языковых средств, но и как результат попытки продуцента дискурсивно представить свою мысль, при этом очевидны различия недоговариваемого из экономии и невыраженного по иным причинам, в том числе, и намеренно. В этом отношении знаменательна позиция В. А. Звегинцева (2007): «В деятельности общения смысловое содержание всегда представляет собой результат творческого мыслительного усилия, т.к. формируется в неповторяющихся ситуациях, воплощая в себе соотношение данной ситуации с внутренней моделью мира, хранящейся в сознании человека» (с. 97).

Прагматика имплицитных высказываний определяется тем, что «истинный смысл может быть так далек от ожидаемого говорящим от адресата действия, что в случае буквального истолкования такого... предложения трудно обвинить слушателя в нарушении принципов коммуникативного сотрудничества, в нарочитом игнорировании глубинного смысла высказывания» (Милосердова, 1991, с. 171), а изучение феномена имплицитности подтверждает высказанные еще В. фон Гумбольдтом (1984) мысли о невозможности естественного человеческого языка выразить истинный смысл: «Для самого повседневного чувства и самой глубокой мысли язык оказывается недостаточным. Всякая речь в высоком смысле слова есть борьба с мыслью, в которой чувствуется то сила, то бессилие» (с. 378).

Успешность иронической коммуникации обуславливается корректным декодированием той интеллектуальной провокации, которая всегда сопровождает реализацию иронии в тексте и в дискурсе. Различение эксплицитной и имплицитной информации связано с двойственностью языкового знака, а сама имплицитность может быть рассмотрена с позиций несоответствия плана выражения и плана содержания, что, собственно, является и облигаторным когнитивно-семантическим признаком иронии.

Практическая значимость исследования заключается в применении его результатов в преподавании вузовских курсов по проблематике теории языка, теории текста и дискурса, имплицитности в языке и тексте, а также в обучении методикам филологического и лингвистического анализа художественного текста.

Основная часть

Коммуникация всегда обнаруживает нетождественность миров адресанта и адресата, на что правомерно указывает В. З. Демьянков (1983, с. 62), а Е. В. Милосердова (2011) отмечает в этой связи: «Выбирая из предложенной системой языка разнообразия структур имплицитную форму, говорящий рассчитывает не только на способность адресата сложным путем логических рассуждений раскрыть истинный смысл сказанного, но и предполагает в слушающем желание проделать этот путь для правильного понимания собеседника» (с. 729-730).

Анализ художественного текста с позиций функционально-прагматического подхода приводит к умозаключениям о наличии в таком тексте импликационала, если его восприятие выведено из автоматизма, что обуславливает имплицитность художественной категоризации: «Процесс категоризации не виден реципиенту, но результат таков, что, отчитываясь (перед другими или перед собой) о понятом, мы говорим и думаем о том, что возникает из результатов смыслов и средств – о метасмыслах (вплоть до художественных идей) и метасредствах, также и о метасвязках. Схемы действия при понимании текста – это упорядоченные в каждый данный момент понимания наборы всех этих метаединиц, выросших из процесса, где частные

единицы (элементы) соединялись в метаединицы и “подминали” под себя последующие элементы» (Богин, 2000, с. 43). Кроме традиционно выделяемых средств выведения из автоматизма – авторских сентенций, философских и лирических отступлений, открытого выражения позиции персонажа в случае обострения конфликта либо активных действий героя-резонера (Ермакова, 2009), которые можно назвать прямыми, существуют и такие, которые можно квалифицировать как «косвенные», провоцирующие возникновение имплицитности и затрудняющие адекватное декодирование текста.

Художественными категориями, которые закономерно оказывают влияние не только на восприятие, но и интерпретирование читателем художественного текста, являются категории жанра и нарративной стратегии. Характеристики различных картин мира, предложенные Х. Перельманом, Л. Ольбрехт-Тытека (1987), становятся основанием для выделения основных нарративных стратегий В. И. Тюпой (2018): так, прецедентная картина мира определяет нарратив героического сказания и сказки, императивная – нарративную стратегию притчи,okkaзональная картина мира формирует нарратив анекдота и возникающей на его основе новеллы (с. 20-21). Представляется, что одним из интересных объектов исследования выступают такие тексты, в которых наблюдается ироническое переосмысление нарративных стратегий, зачастую образующих нерасторжимое единство. А. И. Куприн в своей легенде «Четверо нищих» (1929) трансформирует нарративные стратегии легенды, притчи и анекдота в процессе создания иронического в своей оценочности новеллистического текста.

Трансформация жанрового канона легенды у А. И. Куприна (1958) основана, прежде всего, на тех изменениях, которые затрагивают саму композиционную структуру художественного текста: помещая основное повествование в модальную «рамку», автор лишает текст той степени прецедентности, которая в известной степени оказывается необходимой для понимания легендарного характера происходящего. Так, в самом начале «легенды» представлен следующий контекст: «Париж, в своей беготне и суетливости, нетерпеливо сокращает слова и фразы: метрополитен – метро, бульвар С.-Мишель – Буль-Миш, бифштекс а ля Шатобриан – шато, кальвадос – кальва. Так и вместо старинного “dessert des quatrese mendians” он бросает кратко “mendians!”. Однако лет девять назад я еще заставал на коробочках, содержащих это простое и вкусное лакомство, полную надпись. Теперь ее больше не увидишь» (с. 22). Приведенное высказывание характеризуется имплицитным смыслом, соотносимым в целом не только с авторской модальностью и значением сожаления по ушедшим временам неторопливой жизни, но и ироническим отношением к Парижу в целом, к его беготне и суетливости, к тому, что он нетерпеливо сокращает слова и фразы. Представляется, что и высказывание *Теперь ее <надпись на коробочках с десертом «Четверо нищих»> больше не увидишь* не только имплицитно отсылает читателя к легенде как традиционному жанру, но и одновременно фиксирует авторскую иронию, способствующую восприятию текста и как легенды, и как новеллы.

Закономерно использование А. И. Куприным и нарративной стратегии анекдота, когнитивно-семантическую основу которой составляет авторская ирония. Одним из наиболее частотно используемых в тексте легенды «Четверо нищих» становится введение в текст вставных конструкций, в которых манифестирована авторская ирония в имплицитной форме, например: «Но во времена, о которых идет речь, молодой гасконский король – *этот веселый и добрый скептик* – еще и не думал о своей блестящей звезде или, может быть, по свойственной ему осторожной скрытности, делал вид, что не думает» (с. 22). В приведенном контексте вставная конструкция *этот веселый и добрый скептик* дополняет характеристики короля Генриха, при этом импликационал высказывания включает ироническую авторскую оценку, которая может быть декодирована за счет окружающего контекста: лингвистическая интерпретация данного фрагмента позволяет заключить, что характеристики короля весьма противоречивы (*не думал – делал вид, что не думает*). Интересно, что индивидуально-авторская оппозиция *веселый и добрый – осторожной скрытности*, не имея узальной закреплённости, репрезентирует авторскую иронию, которая изначально основана на принципе контраста.

Более явным становится такой контраст в следующем фрагменте: «Очень может быть, что именно в память своих четырех друзей король Генрих отменил указ о преследовании нищих, но – *человек великого практического ума* – он все-таки обложил их известным налогом в пользу государства» (с. 27). Авторская ирония манифестирована в данном случае вставной конструкцией *человек великого практического ума*, которая включена в контрастивный по своему характеру контекст, организованный на основании оппозиции *отменил указ – обложил налогом*. Импликационал авторской иронии декодируется читателем на основании пресуппозиции: ясно, что, отменив один указ, король тут же издал другой, а вставная конструкция имеет иронический смысл: при том, что нищие помогли королю Анри в трудную минуту, его практический ум не позволил возобладать эмоциям.

Также со- и противопоставление информации, содержащейся во вставной конструкции и представленной в основной части высказывания, репрезентировано и в следующем контексте: «Нищие ушли из дворца обласканные и *щедро* одаренные монархом (*который, надо сказать, был обычно несколько скуповат*)» (с. 26-27). В приведенном примере составляющая основу авторской иронии оппозиция *щедро – скуповат* также позволяет корректно интерпретировать семантику иронического высказывания.

Безусловно, в тексте легенды А. И. Куприна можно обнаружить и такие контексты, в которых авторская ирония оказывается имплицитной с помощью иных, не только семантико-синтаксических средств (как вставные конструкции, рассмотренные выше). Так, в следующем фрагменте «Он *беззаботно* бегал не только за прекрасными дамами своего крошечного двора, но и за всеми хорошенькими женщинами Оша, Тарба, Мирадны, По и Ажена, не оставляя своим любезным вниманием также и жен фермеров, и дочерей

трактирщиков» (с. 22) авторская ирония структурирована не за счет употребления в контексте узуальных или индивидуально-авторских оппозиций, а на основании пресуппозиций, фоновых знаний, которыми должен обладать адресат художественного текста. Разумеется, оценка любвеобильности короля Анри – не только ироническая, но и юмористическая, что манифестировано лексическими сочетаниями *беззаботно бегал, не оставляя своим любезным вниманием*. Замечательно здесь и лексическое сочетание *крошечного двора*, которое репрезентирует действительное положение гасконского короля, явно контрастирующее с его мнением о собственной значимости.

Авторская ирония манифестирована также и в персонажной сфере при передаче речи героев, например: *«О кишки святого Григория!» – вскричал король. – Я голоден, как собака, и жажду, как верблюд в пустыне. Кроме того, может быть, кто-нибудь перевяжет мне ногу. Вот вам маленький золотой, все, что у меня есть с собой.*

– Прекрасно, – сказал слепец, который, по-видимому, был предводителем компании. – Мы предложим тебе на ужин хлеба и козьего сыра. *У нас также имеется самое отличное вино, какого нет, пожалуй, и в королевском погребке, да притом в безграничном количестве. Эй ты, плясун! Сбегай-ка скорее к роднику и нацеди фляжку воды»* (с. 25). Так, король упоминает о кишках святого Григория, по всей видимости, имея в виду одного из христианских святых – Григория Неокесарийского, но само такое упоминание вступает в явный контраст с той значимостью, которую имеет Григорий Чудотворец в истории церкви и теософии. Кроме того, король требователен к людям, которых он впервые видит, и ведет себя, как монарх, требуя услужения – дать ему поесть и утолить жажду, а также перевязать травмированную ногу, однако обещает плату за это. Именно поэтому предводитель нищих отвечает ему *«У нас также имеется самое отличное вино, какого нет, пожалуй, и в королевском погребке, да притом в безграничном количестве»*, но поручает принести Анри только воду.

Заключение

Авторская ирония в легенде «Четверо нищих» способствует деконструкции прецедентного нарратива легенды, делая его окказиональным и приближая его к анекдоту. Это вполне закономерно, т.к. трансформации жанровых структур, а значит, и не только вербализованных компонентов художественного текста, но и его импликационала, обуславливаются, в том числе, и влиянием доминант нарративных стратегий. Особо заметны такие трансформационные процессы в периоды, для которых свойственен определенный перелом в эстетическом мирозерцании и общественном сознании. Новые горизонты, которые открывают такие эксперименты с жанровой структурой и возможностями импликационала различных нарративов, оказывают значимое влияние не только на развитие художественной словесности, но и на саму лингвокогнитивную деятельность автора и читателя как участников эстетической коммуникации. Проведенное исследование позволило сделать выводы о прагматике импликационала авторской иронии в легенде «Четверо нищих» А. И. Куприна, при этом репрезентация лингвистических средств иронии – вводных слов и вставных конструкций, контрастивных контекстов, которые структурированы на основе оппозитивных отношений лексем и лексических сочетаний узуальной и окказиональной принадлежности – в авторской и в персонажной зонах повествования свидетельствует о трансформации жанрового канона в процессе переосмысления автором нарративных стратегий легенды, притчи и анекдота.

Перспективы исследования заключаются в применении его результатов при выяснении коммуникативно-прагматической специфики художественного текста, определении параметров различных нарративных стратегий, реализуемых в нем в рамках конкретного жанра и его модификаций, а также в выявлении и описании особенностей рецептивно-интерпретативной деятельности читателя, направленной на адекватное декодирование эстетического высказывания.

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М.: Флинта; Наука, 2006.
3. Богин Г. И. Школа рефлексии и рефлексивности // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000.
4. Болотнова Н. С. Задачи и основные направления коммуникативной стилистики художественного текста // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 1998а. Вып. 6.
5. Болотнова Н. С. О статусе коммуникативной стилистики текста и перспективах её развития // Известия Алтайского университета. 1998б. № 3 (8).
6. Бондарко А. В. Эксплицитность/имплицитность в общей системе категоризации семантики // Семантико-дискурсивные исследования языка. Эксплицитность/имплицитность выражения смыслов: материалы Международ. науч. конф. Калининград - Светлогорск, 2006.
7. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003.
8. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996.
9. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд-е 4-е, стереотип. М.: КомКнига, 2006.
10. Гумбольдт В. фон. Избранные работы по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.

11. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000.
12. Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. 1983. № 6.
13. Долинин К. А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. 1983. № 6.
14. Ермакова Е. В. Имплицитность в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма) / под ред. М. Б. Борисовой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010.
15. Ермакова Е. В. Имплицитность в художественном тексте и способы ее экспериментального изучения // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 119.
16. Звезгинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. Изд-е 3-е. М.: URSS, 2007. и ее роль в разных типах дискурса // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Вопросы современной филологии. 2011. Вып. 12 (104).
17. Куприн А. И. Четверо нищих // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 6.
18. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство - СПб, 1998.
19. Малинович Ю. М. Антропологическая лингвистика как интегральная наука: лингвофилософский и понятийно-содержательный базис // Вестник ИГЛУ. Серия: Антропологическая лингвистика. 2004. № 7.
20. Милосердова Е. В. Имплицитность как лингвопрагматическая категория и ее роль в разных типах дискурса // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Вопросы современной филологии. 2011. Вып. 12 (104).
21. Милосердова Е. В. Семантика и прагматика модальности. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991.
22. Перельман Х., Ольбрехт-Тытека Л. Новая риторика: трактат по аргументации // Язык и моделирование социального взаимодействия: переводы / сост. В. М. Сергеева, П. Б. Паршина; общ. ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987.
23. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: URSS, 2021.
24. Тюпа В. И. Жанровая природа нарративных стратегий // Филологический класс. 2018. № 2 (52).

Информация об авторах | Author information

Кузнецова Анна Владимировна¹, д. филол. н., проф.
¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Kuznetsova Anna Vladimirovna¹, Dr
¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don

¹ avkuznetsova@sfedu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.11.2021; опубликовано (published): 28.12.2021.

Ключевые слова (keywords): импликационал; ирония; жанровый канон; нарративная стратегия; легенда; the implicational; irony; genre canon; narrative strategy; legend.